

№

АНТРАКТЪ.

14.

Антрактъ выводитъ въселедственно, по воскресеньямъ. Цена годовому изданію (30 №№), съ доставкой на домъ въ Москвѣ — 2 руб. сер.; по почте годовому — 1 руб. 50 коп. сер.; на три года — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя или на цѣна годовому изданію — 1 руб. сер. Подписка отъ иностранныхъ принимается только годовая и за пересылку въ другіе города прилагается 1 руб. 30 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 50 коп. сер.) (кроме подписки считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца). Подписка принимается ежедневно отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ вечера въ конторѣ типографіи ИМПЕРАТОРСКИХЪ Московскихъ театровъ (Пл. Пы. Свѣтлова), на Никольской улицѣ, въ домѣ графа Оллова-Давыдова, а по времени спектаклей и въ выходящей лавкѣ въ Большомъ театрѣ.

Содержаніе: «Пучина». — Курьезы, замѣтки и вопросы (Диковникъ. Циньма темныхъ людей). — Смѣсь.

«П У Ч И Н А».

Высота ль, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ-море,
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты дѣлпроверкіе.

Эта заставка народпой пѣсни могла бы олужить хорошимъ эпиграфомъ для всѣхъ послѣднихъ произведеній Островскаго. Чѣмъ труднѣе задачи, за которыя берется онъ въ своихъ пѣсахъ послѣднлаго времени, тѣмъ все менѣе и менѣе способнымъ и состоятельнымъ рѣшителемъ ихъ является онъ. Чѣмъ сильнѣе и шире авторскій размахъ, тѣмъ неудержимѣе и быстрѣ паденіе пѣсы. Замѣчательно, на сколько желаніи г. Островскаго въ послѣднее время оказываются обратно пропорціональными приведенію этихъ желаній въ исполненіе. Видно, что хочеть дать онъ въ каждой изъ своихъ пѣсѣ какъ можно больше и даетъ цѣлообразно мало. Вовсе почти отрѣшившись отъ той простоты отношенія къ жизненнымъ явленіямъ, которой неуклонно держался онъ въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ и которал, сказать кстапи, нерѣдко, въроде, доводила его до многихъ крайностей, онъ въ послѣднее время сталъ смотрѣть на эти явленія свѣсока, заносчива и ипшетъ свои пѣсы, говоря языкомъ «Слова о бѣлку Игоревѣ», — не по бытиямъ сего времени, а по замышленію Волю, носится мыслію выше облака хоячаго. Потому-то, можетъ быть, публика и не въ состояніи досягнуть до него; потому-то, быть можетъ, она и не уразумѣваетъ всей глубины его послѣднихъ произведеній, такъ что къ ней, къ этой публикѣ г. Островскій давно уже имѣетъ полное право обратиться съ упрекомъ, вырвавшимся изъ устъ епангельскихъ дѣтей, которыхъ, спѣя на торжествѣ съ другими сверстниками, говорили имъ: *мы вамъ караи на свѣтили — и вы не писали, мы вамъ являть тѣмалыя пѣсн — и вы не рѣдали* (Матю. XI, 15—17). Берега дѣйствительной жизни наконецъ показались узкими для г. Островскаго, какъ этого и слѣдовало рано или поздно ожидать, и, стѣсняясь узкимъ русломъ обыкновенной рѣки, онъ захотѣлъ выплыть на безбрежное раздолье, въ океанъ-море. Слова нѣтъ, большому кораблю подобаешь, по пословицѣ, и большое плаванье; но да не забываетъ г. Островскій и словъ Писекспира, который устамп одного изъ дѣйствующихъ лицъ одной своей драмы (Димбемиз) говоритъ, что океанъ порождаетъ чудовищъ и

вкусныя рыбы водятся чаще въ маленькихъ рѣчкахъ. Къ тому же, на несчастье г. Островскаго, почти каждой изъ его послѣднихъ пѣсѣ слишкомъ задолго, слишкомъ нарѣе является претечамп слухи о томъ, что пѣсы эти никуда. Такъ, долгое и сильное ожиданіе *Снона Волю* вовсе не нашло себѣ соответствующаго удовлетворенія; такъ и теперь оить въ слухи о *Пучинѣ* разрѣшились въ жалкое ничто. Изъ пучившейся горы оить выбѣжать смѣшной мытникъ.

Въ новой пѣсѣ своей авторъ задается на тысячу ладовъ перевертывавшейся темой; въ ней доказываетъ онъ почему-то показавшіяся ему новою мыслью о томъ, что среда часто заблаетъ людей (желонко даже какъ-то становится выражать на бумагѣ эту *новенькую* истину), что въ духотѣ человекъ задыхается. Съ этою цѣлю онъ раскрываетъ одинъ изъ глубокихъ омутовъ московскихъ, *пучину* и опускаетъ въ нее нарочно для такого эксперимента приносовленіую жертву. Пресловутая и всеоглощающая пучина эта, по пѣсѣ г. Островскаго, есть ничто иное, какъ, благословенная купеческая семейка, взятая въкупѣ съ немногими присными ей.

Посмотримъ же, что за люди эти *пучинники*. Горюка-лѣтній отецъ семейства, купецъ Бороводъ — суровый родитель, не дающій потачки тестю, продувной торгашъ и плуть-человѣкъ, не останавливающийся ни передъ какими средствами. Клаплемся ему: лицо знакомое, — личность составленная изъ обрывковъ и клочковъ Гордѣя Торцова (*Видность не порокъ*), и Квасова (*Купецъ-Лабазникъ*). Дарья Ивановна жена его — купчиха мужебоязливая, дочерелюбвила, до важныхъ разговоровъ охотливая. Нашъ поклонъ и ей: липчпость тоже знаемая и переизвѣстная; умъ и пошлостя ея взяты авторомъ на прокатъ у купчихи Брусковой (*Глжелье дни*), по положенію въ семьѣ — она совершенно подобіе двумъ другимъ, не менѣе достопочтеннымъ купчихамъ — Волшовой (*Свои люди — сочтемся*), Торцовоіи (*Видность не порокъ*), да, пожалуй, и лабазницѣ Квасовой. Глафра Пудовна — дѣлпа безъ страха и упрека, вышивающая голубиковъ, до *самой* страсти плюбляющаяся въ какого-то козковника и принимающая за насмѣшку вопросъ о томъ, чѣмъ она занимается; супружница она строгая, мужу свуска не дающая, родительница нѣжная — не оставляющая чадъ своихъ внимательными пинками. Придурью, слишкомъ *вѣдуианною* авторомъ, эта Глафра Пудовна — вылитая Олимпіада Самсоновна Нохалозинна, урожденная Большова (даже и *любви* періодъ стонитъ *пукетовъ* и *китидомовъ* послѣдней),